В. ЭФЕР

НАХОДКИ И ПОТЕРИ

СТИХИ

(1938—1948)

Мюнхен

В. ЭФЕР

НАХОДКИ и ПОТЕРИ

СТИХИ

(1938—1948)

Мюнхен

* * *

После опубликования некоторыми авторами, так называемых. «упадочнических стихов» — разгорелась полемика: имеет-ли автор моральное право вливать в душу читателя, издерганного и разочарованного российского эмигранта — новые порции пессимизма, разочарованности и безнадежности? Или, может быть, несомненный гражданский долг всякого эмигрантского литератора заключается только в метании пламенных призывов? Должен-ли автор в своем творчестве руководствоваться всегда и непременно только принципом «keep smiling» или может иногда позволить себе пригласить читателя разделить его авторские печаль или отчаяние?..

Я не нашел лучшего способа принять участие в этой полемике — чем опубликовать эту маленькую книжечку, которая в большей своей части состоит из откровенно «упадочнических» стихов. Из этого ясно, что я преемлю смелость безоговорочно разделять классическое положение о том, что «печаль и безнадежность — есть одно из законнейших поэтических настроений». Если какая-нибудь струна, в чьей-нибудь душе зазвучит в унисон с какой-нибудь строкой этой книжки — я буду считать, что не зря поднял голос в этой полемике.

АВТОР.

День

Он выплывал из черноты ночной.
Туман вставал над сизою водой,
Роса ложилась.
                    В небе просветленном
Растаяли звезда, вслед за звездой,
Шурша листвой умытой и зеленой
Легко вздохнул и замер ветерок.
Беззвучный света взрыв потряс Восток...
Земля, ворочаясь неторопливо
Другой, под солнце, подставляет бок.

Так день возник, огромный и счастливый.

Я пристально слежу как он идет
В безудержном движении вперед,
Путем привычным, и как вечность старым...
И вот Земля уж отирает пот,
Под Солнцем, разгулявшимся пожаром.
А он идет, плечист и золотист;.
Играет рыба, звонок птичий свист,
Поет юнец, поет и старец древний...
Идет он сквозь леса, где дышет каждый лист,
Идет по городам, по селам, по деревням,
Идет через моря и горные гряды...
Он раздает заботы и труды,

Он гонит сок в плоды и кровь по жилам.
Он — властелин и счастья и беды!
Как он хорош, животворящей силой!
Какое счастье — день такой прожить!

Но вижу я:
Уж он к концу спешит
И падает в объятья старых кленов
Безсильно Солнце.
Красный свет дрожыт
На небе, синевою утомленном
Он обречен.
Он гибнет рад-не-рад,
Порывы ветра залетают в сад,
Он, как астматик, конвульсивно дышет,
Идя к концу.
И нет пути назад...
Он отпылал.
Ползет Луна по крышам.

Но если ты не зря его прожил,
Отдав ему частицу дум и сил —
Его не позабудешь никогда ты,
Как первую любовь не позабыл!..
Прощай навек, веселый и богатый!
Мме жаль тебя, мой отсверкавший день, —
Пройденную чудесную ступень...
Но завтра день — еще чудесней будет,
Он вновь вздохнет могучей, полной грудью...
День будущий —
Всегда наилучший день.

* *
*

Я юность, как книгу, на память открою,
Каждая строчка в которой — жива:
Сраженья, открытья, дороги героев
И вождь — «Орлиная Голова»,

Курящий дубовые листья из трубки...
«Сильвасы» — виднеются из-за риг,
И на заросшем пруде, душегубка —
Грозный «пиратский бриг»...

С тех пор — я курил и табак, и махорку,
И щеки шершавы, как крупный наждак;
Давно гимназическую гимнастерку
Сменил этот пошлый пиджак.

На волосы — годы, как иней колючий,
Осели... Но сердце не стало дряхлей.
Вот разве, подъемы теперь — как-то круче,
И ветры, как-будто, теперь — холодней...

Но это — пустяк. И как только зачую
На старом пруде детворы голоса
На парусном бриге — сам в море хочу я,
Чтоб ветер мечты наполнял паруса.

Стихи о чемодане

О, дорога, дорога! Суматоха перронов!..
Я чертовски люблю, (не пойму — почему?)
С небольшим чемоданом впрыгнуть в тамбур вагона
И рвануться неистово в ошалелую тьму;

Так, чтоб пыль завихрилась на встречных платформах
Чтоб мосты отразили громовой перестук,
И лететь, как по звездам, по огням семафоров,
И нырнуть с головой в реку встреч и разлук!

Или на-борт взойти с ним; и в волненьи великом
Наблюдать, как матросами поднимается трап...
И встречать океан, в изступлении диком,
Бьющий в грудь корабля миллионами лап!

И бывает частенько, что в домашнем уюте
Ни с того, ни с сего — затоскую я вдруг...
Я всегда вспоминаю в такую минуту,
Что лежит на шкафу — неизменный мой друг.

Сколько стран с ним прошли мы от края до края!
Сколько звезд нам светило! Сколько пело ветров!
И осевшую пыль я любовно стираю
С желтой фибры его глянцевитых боков.

А теперь, что-то слишком-уж засиделись мы дома,
Что-то густо осела мертвящая пыль...
Не узнать непоседу! Замок его сломан,
Что-то жалок на вид он... Да ты-ль это?! Ты-ль?!

Если мог-бы понять он слово ласки и дружбы,
Я сказал-бы ему: Не грусти, дорогой!
Ты еще пригодишься, ты еще будешь нужен,
Мы еще побродяжим по свету с тобой!

И опять встречный ветер заглотнут груди наши,
Поплывут снова дали в окне голубом
И на нашем пути в быстром танце запляшет
Частокол пограничных, полосатых столбов!..

Тадеуш Томашевский

* *
*

Юных лет — мечта крылом касалась:
Сердце юным — навсегда осталось...
Что мне быстротечные года!

Мне еще любить леса и горы,
Мне ходить по песенным просторам
И друзей любить, как никогда...

Не стелите мягкой мне постели!
В жилах — пенье яростного хмеля,
Я не разменяюсь на уют!

Вспомнить песни — мне еще не поздно
И дорог далеких буйный воздух
Легкие мои еще глотнут!

И улыбку — девушки вернут!

(Перевод с польского)

* *
*

Ходит кто-то у твоей калитки,
Только кто — никак не разберу...
Паутинок тоненькие нитки
Тянутся из леса поутру;

Золотом хлюпнуло „бабье лето"
На деревья, травы и кусты
И в саду оранжевого цвета
Ты меня встречаешь. Нет... не ты!

Я иду. Здесь все, как прежде было:
Тот-же у крыльца старик-каштан,
Полусгнившие, с резьбой, перила,
Все, как прежде... Только ты — не та.

Я иду, хрустит дорожки гравий.
Льнут кусты ко мне со всех сторон...
Кто ходил здесь? Кто следы оставил?
Я не вижу их, но знаю — он!

День и ночь он ходит. Экий прыткий!
Под дождем стоит и на ветру;
Ходит, ходит у твоей калитки...
Только кто — никак не разберу.

* *
*

Уезжаешь... Пароход отчалит,
Как всегда поднимут чайки крик...
Что-же, к новой я готов печали,
Ко всему безжалостно привык.

Помолчим. Ни слез, ни обещаний!
Лучше так. Не скажешь то, ей-ей,
В краткие минуты расставанья,
Для чего и жизни мало всей.

Ни словами не клянись, ни взглядом.
Даже писем мне не обещай!..
А забудешь — значит так и надо.
До свиданья! Может быть — прощай.

Сен - Квентин *)

В белых березках берег пруда;
Зеленая, в ряске, вода;
Опушка шуршащих осин...
О, Сен-Квентин!

Тропинкой извилистой долго мы шли,
Где звезды ромашек цвели,
Где сладок и нежен жасмин...
Ах, Сен-Квентин!

Нас Солнца лучи поцелуями жгли,
Нам птица какая-то пела вдали,
Но вечер касался равнин...
О, Сен-Квентин!

Угас этот день в синей дымке небес,
Уснул под луной посеребренный лес...
И вновь я, как прежде, один...
Эх, Сен Квентин, Сен-Квентин!

---

*) Местечко во Франции.

Портрет

Не храню никаких сувениров
В память прошлых событий и лет,
Но портрет твой в унылой квартире,
До сих пор — все стоит на столе.

Разьве это расскажешь словами!
Кто поймет, что хорошего в том,
Что мы руки свои согревали
Над негреющим, дымным огнем,

В сквозняками наполненном доме...
В том, что не было сытого дня,
В том, что не было выхода, кроме...
Кроме дырочки лишней ремня!

Где теперь ты? А кто тебя знает...
Кто тебя называет своей,
Кто теперь, по ночам, ожидает
Каблуков твоих стук у дверей?

Да, давно-бы пора подъитожить:
Все окончено. Ты — далека.
Но чтоб память твою уничтожить
Не поднимется, верно, рука.

Осень

Вооружатся все плащами и калошами,
Расправит кости залежалый черный зонт
И облака, дождем штрихуя горизонт
Помчатся, будто взмыленные лошади.

Уже не долго остается лету мучиться...
Подслеповато Солнце... Тяжелеет тьма...
И сквозь двойные рамы в хмурые дома
Ползет тоска — осенняя попутчица.

Этюд

С каждым мигом, все дальше и дальше огни...
Оборот колеса... И еще оборот...
Вот уж смотрят в окно только сосны одни,
Уж над городом зарево скрыл поворот...

Я стекло опущу и подставлю ветрам
И снежинкам, волос непослушную прядь;
Пусть щекочут ресницы, пусть липнут к щекам,
Их колючими иглами буду дышать.

Я хочу, что-бы сердце ускорило бег,
Что-бы темп его слился с движеньем колес!
Что пространства и дни?! Мимо — ветер и снег!
Мне не нужно теперь ни улыбок, ни слез,
Ни прощенья искать, ни кого-то прощать,
Мне не жаль мест родных, дней былых мне не жаль...

Только скорость и ветер — хочу ощущать
И манящую, звонкую даль.

* *
*

Пусть Солнце восходит... Пусть Солнце заходит...
Пусть Землю нещадно бичуют дожди...
Пусть звезды кружатся в ночном хороводе...
Но, сердце, не стынь! Погоди! Подожди!

Еще не конец! Пусть на прошлых тревогах
Поставлен уже окончательно крест,
Но мы еще живы и наша дорога
Ведет через тьму неисхоженных мест.

Как знать, может быть, за любым поворотом
Для нас будет время лететь, а не течь...
Нет, сердце, не стынь! Будь готово к полету!
Ведь есть в мире что-то, что может зажечь

И пепел холодный! Змеею ужалить!
О, многое, многое есть впереди!..
Всему есть свой срок. И осенней печали
И радости лета... Не стынь! Погоди!

Вы...

(Всем солдатам мировой войны)

Вы шли на войну.
По обличью Земли
Гуляла, свистала беда...
Уходили в туманную даль корабли,
На фронт
Неслись поезда.
Стучали колеса на стыках в лад,
В деревьях путался дым...
И каждый мог —
не вернуться назад,
И каждый мог стать —
седым.
Вы мерили длинны чужих дорог,
Высоты враждебных круч,
Враждебного Месяца
острый рог
Глядел на вас из-за туч.
Он верно дивился,
вверху плывя:
Древним богам под-стать —
Мертвые падали,
норовя
Врага под себя подмять...
Вы шли напролом в орудийный рык,
Суставы —
мороз сверлил,
Но каждый мог
проглотить язык,
Но отдыха
не просил.
И вы побеждали, без поз и фраз
Упрямство и гор и рек,
Себя и других... А ведь каждый из вас
Всего только был —
Человек.

Все равно

Ты напрасно ждешь меня...
Я вернусь — чужой. Я знаю
Что вернусь я не кляня,
Но и не благословляя,
Безразличный, как бревно...
Все равно.

Я прошел по всем следам
Огнедышащей разрухи,
По огромным городам,
Люди гибли где, как мухи,
На день тысячами. Но...
Все равно.

Видел в хаосе огня
Храмы, школы и больницы...
Если жив останусь я —
Это долго будет сниться;
Нам забвенья не дано...
Все равно.

Я узнал, что невтерпежь
Жестока жизнь и огромна;
Ты такого не поймешь
В голубом покое комнат,
Видя мир через окно.
Все равно.

Я вернусь постигший жуть
Всех надежд и жизни краха.
Но теперь я вдаль гляжу
Без боязни и без страха;
Знаю: — Мы идем на дно...
Все равно.

* *
*

Да, уже постарели с тех пор мы...
Помнишь: ржи золотая река,
Деревянный навес платформы,
Рельсы, небо и облака...

Я... Она... О, как сердце билось!
Где то перепел свистнул во ржи...
Было это, иль только снилось?!
Сердце, сердце! Ответь! Скажи!

Пролетели ключом журавлиным
Дни и ночи в неведомый путь...
Но недавно, на те равнины
Захотелось мне вновь взглянуть,

Вновь зажечь, что гореть перестало.
И однажды, я сел в вагон,
Прикатил на пустой полустанок
И сошел на досчатый перрон.

Я бродил по лугам и по хлебу,
Слушал птичий веселый свист,
Созерцал облака... Нелепый,
Равнодушный, сухой эгоист!

Разьве пепел горит? И разьве
Жизнь, пройдя, не оставит след?..
Я уехал уставший, грязный,
Обозленный на целый свет.

Может быть я вздремнул дорогой
И причудилось мне во сне,
Будто сердце вышло в тревоге
Из груди и сказало мне:

«Посмотри, это та остановка,
То-же небо и та-же рожь!..»
Я сказал, улыбаясь неловко:
«Это все ты, положим, врешь;

От потопа на свете этом —
Никогда не бывало и нет,
Чтоб, с железнодорожным билетом,
Продавали и в юность билет».

Любовь неразделенная...

Как втиснуть в строки мне свои печали,
В слова какие — мысли мне вложить!?

Мне не легко теперь...
Какая краля
Сумела так меня заворожить?..

Давно-ли, некий мудрый землежитель
Вещал: «Любовь — есть вздор!»
Кто был он? Назови!..
Не ты-ль, ночами, бедный сочинитель,
Теперь слагаешь песни о любви!..
О ней!
О женщине, идущей мимо,
Являющейся в снах, лукавя и дразня,
Но в жизни осязаемой и зримой
Такой чужой,
как звезды свету дня.
Ты знаешь это.
Ночь, в постели жесткой,
Не спишь,
а утром — начинаешь жить,
Унылый, как фонарь на перекрестке,
Который позабыли погасить
С восходом Солнца.
Только день встречая —
Ждешь ночь уже, ползущую вдали;
Не видя ничего, не ощущая,
Ни трав цветенья, ни полета чаек,
Ни ласковости матери-земли...
Ты спишь.
Ты мертв.
Но жизнью изступленной —
Тебе прожить придется много дней.
О, может-ли быть, что-нибудь сильней
Любви неразделенной!..

*
*

Что-же, избалован я покоем
Или стал до срока стариком,
Что гляжу на небо голубое
И не вспоминаю ни о ком...

Только помню годы я былые.
Годы, как заезжие дворы,
Запахи гостиниц нежилые,
Пыльные портьеры и ковры.

Помнить мне кого, в былом безлюдьи?
Но теперь, во всей моей судьбе,
Все что было, есть, когда-то будет, —
Все — сосредоточено в тебе!

И теперь мне кажется все чаще,
Что природу повернувши вспять,
Лист осенний, по ветру летящий,
Может лето жаркое догнать.

Отрада

В финале жизни, выпитой до дна
Средь хаоса огня, железа, смрада —
Так благодетельно приходит смерть одна,
Как ты пришла ко мне, моя отрада.

Так вот какая ты!.. Выходит, что не зря
Я страны бороздил в ночных теплушках,
Выходит, что не зря, багровая заря
Вставала надо мной в тяжелом гуле пушек!

Так значит неспроста, среди ночной тоски,
В угаре ресторанов и курзалов,
Мне разменять всю жизнь на пятаки
Неведомая сила помешала!

В огне случайных встреч сгорело много сил.
И в тайниках желтеющего сада
Земного бытия — я мало сохранил,
Но что сберег — тебе, моя отрада!

И я хочу, мучительно хочу,
Чтоб ты отныне — шла со мною рядом!..
Но вдруг... Вдруг это бред и чушь...
И чья-то ты, а не моя отрада!..

* *
*

(О. Н—к.)

Нет, парк не напрасно плакал
Слезами кровавых листьев,
В тот ветренный, звонкий и чистый,
Как слезы, осенний день..
И эта готовность лета
Под ноги зиме простелиться —
Невольно рождала мысли:
«Возьми, и навеки владей...»

А ветер, хмелея от власти,
В березах шнырял торопливо,
Свою демонстрируя силу
На сонных, покорных листах;
И мне выползал навстречу
Из зарослей пыльной крапивы,
Как осень неотвратимо, —
Холодный, щемящий страх.

Я знал: Все случится просто,
Без криков и слез, наверно;
Ведь самые страшные вещи
Всегда бывают просты...
Так смерть этих желтых листьев
Есть просто — закономерность!
Я знал: С уходящим летом
Уйдешь от меня и ты.

Декабрь уж глядел изподлобья.
И каждым порывом ветра,
Казалось, кричал: «Со мною —
«Он» — явится издалека»...
Мне кажется: нечто похожее
Наверно испытывал Вертер,
Когда нажимал тихонько
Колючую сталь курка.

Декабрьскою, вьюжной ночью
Я буду мальчишкой шалым,
Слоняться во тьме переулков,
Глядеть камионам в глаза...
И в эту-же ночь, небритый,
С дороги злой и усталый
«Он» — из вагона выйдет
В больной лихорадкой вокзал.

Я знаю уже заранее
Слова, что он скажет при встрече...
Я наизусть их знаю,
Я вижу улыбки грим;
Привычным и вялым движеньем
Твои он обнимет плечи...
Он до сих пор, мне на горе, —
Числится мужем твоим.

* *
*

Ах, зачем ты болишь, мое сердце!
Разьве Солнце не так-же прекрасно,
Разьве небо не так-же бездонно,
Разьве мир — все не так-же хорош?..

Миллионами маленьких терций
Время движется как-то напрасно,
Как-то тихо, лениво и сонно
И полета его не вернешь...

Может быть потому, что я знаю,
Может быть потому, что я помню,
Как тогда было время крылато;
Хоть с тех пор протянулись года,

Может быть потому, что речная
Гладь, попрежнему — сонно-истомна,
Может быть потому, что ушла ты
От меня навсегда, навсегда...

* *
*

Я распростился с любовью последней
В звонкие дни сентября...
Бросил мечты, как калоши в передней,
В комнату их не беря.

С ветром в обнимку, охваченный ленью,
Звонкие песни свищу...
В дымке вечерней, в дымке осенней —
Я никого не ищу.

Нет ничего этой лени дороже,
В мире ценю лишь ее...
«Лучшая девушка дать, ведь, не может
Больше, чем есть у нее...» *)

*) Н. С. Гумилев.

* *
*

Проходит все... И день, и вечер синий,
Весна и лето, осени огонь...
И ты глядишь, как ветви кроет иней,
К глазам стеклянным приложив ладонь.

Уйдет «она», чужой любви навстречу...
Начнется страшный, бесполезный бред,
И ты с тоской огромной, человечьей
Глядишь и думаешь, что жизни больше нет...

Ты можешь пить, молиться, сквернословить,
Бледнеть и чахнуть без еды и сна,
Но губы — всеж беззвучно воздух ловят:
Ведь воздух, все-таки... нужнее чем «она».

Е. Плужник

* *
*

Две паралели, два мередиана —
И вот квадрат. Живи и умирай!..
Тут тверди тень... Тут, трепетно-туманный,
Замкнулся мир. Тут Тигр, Евфрат и Рай.

Настанет час и ты обрящешь Еву,
Твой час пробьет — и все утратишь ты,
И вкусишь плод божественного древа
Познанья широты и долготы...

И снова будут: два мередиана,
Две паралели. Твой квадратный Рай...
И тверди тень. И трепетно-туманный
Безсмертный мир. Живи и умирай.

(Перевод с украинского)

* *
*

Жизнь моя! Это — время
нам стало коленом на грудь...
Не хитри... Как и все,
мы от розовых сумерек детства
К сизым сумеркам старости
топчем извечный свой путь,
По нему собирая
гроши рокового наследства.

Эту ношу мы все,
как колодник колоду несем,
Мы судьбу разделяем
одну для великих и малых:
Губим веру в друзей,
после — в жен, в человечество все
И, и в конечном итоге,
— в себя и свои идеалы.

И напрасно теперь,
как истасканный, старый жуир,
На случайных кроватях
давно промотавший всю нежность,
Мы мучительно бьемся
с проблемою старой, как мир:
Отчего с каждым днем
все острей и больней безнадежность?..

Но и это в программе:
(Менять ее — нам не дано...)
И седеть, и дряхлеть
над решеньем проклятых вопросов;
Будем тихо кончать,
как давно уже заведено...
Так на этой земле
— зачинается всякий философ.

Но теперь мы уверены
в строгом порядке вещей:
Счастья нет ни в труде,
ни в борьбе и ни в грезах жемчужных!..
Счастье — это собранье
привычных, простых мелочей,
Бесконечно любимых
и, может быть... тоже ненужных.

ထ«»ထ

Суинбёрн

* *
*

Да, мы сгинем и станем прахом...
Когда прощаешься навек
С надеждами, мечтами, страхом —
Возрадуйся - же, человек,

Что жизнь не вечною бывает,
Что мертвые — не оживают,
И что в морской покой впадает
Вода из утомленных рек.

(Перевод с англ.)

Современнику

Ты вдаль глядишь. Увы, неотвратимый
Простерся ужас над Землей твоей...
Все впереди в огне и клочьях дыма
И впереди не так уж много дней.

Но все-ж — живи! Хотя никто не скажет,
Как долго будет цел еще твой дом;
Умей легко, умей с улыбкой, даже,
Ждать свой конец, не думая о нем.

Забудь себя, забудь что было прежде,
Забудь тревогу, стиснувшую грудь!
Оставь мечты, оставь свои надежды!
Что будет — то случится как-нибудь...

Летят, летят атомные химеры...
А все-ж — живи! Трудись! Роди детей!
Сгорят дворцы — мы будем рыть пещеры
И драться у обглоданных костей.

Светлый міp

Метет метель. Чернеет в окнах вечер.
В зловещем кружеве руин, как в клетке зверь,
Неистовствуя завывает ветер
И снег швыряет пригоршнями в дверь.

О, светлый міp! Как ты жесток и беден!
Как неизбывно страшен и печален ты вовек!
Здесь, как в берлоге, заспанным медведем
Живет ненужный, грешный человек...

И здесь хоть плачь, хоть бейся лбом об стену,
Хоть с ветром споря диким зверем зареви
Исхода нет из рокового плена
И жизнь течет без жизни и любви.

О, светлый міp! В грехе своих исканий
Ты — мячик, чьей-то, был чудовищной игры!
Ужель твоих последних содроганий
Не видит Взор, вмещающий міры?!..

Ужели не удержит Он расплаты
Над нашей грудью занесенное копье,
Ужели не спасет, как спас когда-то
Свой Светлый Мир! Сокровище Свое!

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Published under Authority of JRO.